

The background of the cover is a digital painting. In the center, a person in a dark, hooded jacket stands with their back to the viewer, looking towards a bright, glowing blue and white light source. The ground is a mix of orange and yellow, suggesting fire or a hot surface. The overall style is painterly and atmospheric.

СЕРГЕЙ СНЕГОВ ПРАВО НА ПОИСК

БРАТЯ РОЙ И ГЕНРИХ ВАСИЛЬЕВЫ

SERGEY SNEGOV
RIGHT TO SEARCH

Братья Рой и Генрих Васильевы

Сергей Снегов

Право на поиск

«СОЮЗ»

1988

Снегов С. А.

Право на поиск / С. А. Снегов — «СОЮЗ», 1988 — (Братья Рой и Генрих Васильевы)

ISBN 978-5-6050126-7-2

В сборник вошли две повести о приключениях братьев Роя и Генриха Васильевых: «Право на поиск» и «Огонь, который всегда в тебе». «Право на поиск» Рой Васильев – астрофизик, знаток космоса и детектив, специализирующийся на расследовании неизученных явлений и загадочных происшествий, прибывает на Уранию, чтобы выяснить причины взрыва сгущенной воды и гибели руководителя одного из проектов – Павла Ковальского. «Огонь, который всегда в тебе» Альберт Симагин сконструировавший прибор, усиливающий электрические потенциалы головного мозга, неожиданно погибает. Последними, кого он видел перед смертью были братья Васильевы. Смерть изобретателя была ужасной, тело его свела жестокая судорога, руки и ноги были выкручены, но на лице застыло выражение счастья, как будто он ликовав и радовался своей гибели. Что-то здесь было не так. Рой и Генрих Васильевы решают докопаться до истины.

ISBN 978-5-6050126-7-2

© Снегов С. А., 1988

© СОЮЗ, 1988

Содержание

Право на поиск	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Снегов

Право на поиск

© Т.С. Ленская
© Е.С. Ленская
© ИП Воробьев В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

Право на поиск

1

Чарли присел к моему столику, деловито пробежал глазами меню – что бы в нем ни значилось, он закажет омлет с помидорами и апельсиновый сок, это неизменно – и «порадовал»:

– К Латоне приближается рейсовый звездолет «Командор Первухин». На нем очередная цистерна с тремя миллионами тонн сгущенной воды. И некто Рой Васильев. Этот землянин на Латоне переседет в планетолет на Уранию. Сгущенная вода прибудет позднее. Ты что-нибудь слыхал о Рое Васильеве? В общем, готовься к трудным объяснениям.

Меня временами раздражает обстоятельство, с какой Чарли изучает совершенно ненужные ему фантазии поваров. Как-то, спустя часок после такого десятиминутного углубления в роспись первых, вторых и третьих блюд, я поинтересовался, не помнит ли он, что нам сегодня предлагали на обед. «Конечно, помню, – бодро заверил он. – Были омлет с помидорами и сок». Даже бифштекса с фруктами и торта не запомнил, а я их жевал перед его носом за одним с ним столом! На вопрос о Рое Васильеве я не ответил. Я промолчал сознательно и вызывающе. Молчание – единственное, что молодой академик, мой начальник Чарльз Гриценко, способен слушать объективно. На молчание он реагирует быстро и толково. «Молчание информативно, – утверждает он. – Это самый красноречивый сигнал несогласия в споре, самое категорическое оповещение протеста».

– Омлет с помидорами и апельсиновый сок, – сказал Чарли в микрофон. – Эдик, ты слышал, что я сказал? Почему ты молчишь?

– Не вижу причин кричать.

– Кричать не нужно. Но хоть бы промычал что-то. Рой возьмется прежде всего за тебя. Павел был твоим помощником, связь между его гибелью и взрывом сгущенной воды на складе почти несомненна. Рой прибывает для того, чтобы исследовать эту связь... Тебе мало этих фактов?

– Что мне мало и что много – не существенно.

– Правильно, единственно важное – что будет думать сам Рой о трагедии. Но снова и снова повторяю...

Ему не дал договорить Антон Чиршке, Повелитель Демонов Максвелла. Этот долговзый, крупноносый, большерукий, белокурый физик известен на Урании больше по прозвищу, чем по фамилии от родителей. На кличку «Повелитель Демонов» он откликается охотно, даже гордится ею. Если просто крикнуть на улице: «Повелитель!», он тоже обернется без раздражения. Злость он приберегает не для встреч со знакомыми, а для работы. В лаборатории он неистов. Он дьявольски вспыльчив, Антон Чиршке, Повелитель Демонов. Если ему кажется, что прибор висит криво, он кричит на него. Я сам видел, как Чиршке закатил оплеуху командному механизму, включившему не ту программу. Механизм, правда, пострадал куда меньше, чем рука Антона. Кроме вспыльчивости и нетерпимости к чужим мнениям, Антон еще и талантлив. Все мы талантливы, конечно, бесталанных на Уранию не командируют, я вовсе не хочу сказать, что в этом смысле Чиршке какое-то исключение. Просто он талантливей каждого из нас. Таково мое убеждение, его разделяют не все, но я никому не навязываю своих оценок. Его ошеломительно простой механизм, сепарирующий молекулы воздуха по их скорости, вызвал множество возражений, каждый помнит, какие шли пять лет назад страстные дискуссии – не было обидных слов, которые бы не бросали Антону в лицо. Но, между прочим, все отопление на Урании, все холодильники на нашей экспериментальной планете сегодня рабо-

тают от сепараторов Чиршке, от его небольшого заводика, пущенного в прошлом году: с одной стороны воздух засасывается в приемную трубу, а с другой две трубы отправляют сепарированный воздух потребителям, по одной – горячий поток, по другой – ледяной. И кто придумал Антону в насмешку прозвище «Повелитель Демонов Максвелла», те давно прикусили языки, а само прозвище ныне выражает не иронию, а уважение. И еще одно. Антон щедро наделен величайшим даром всюду видеть загадки. У него вызывает тысячи недоумений любая вещь мира, любое обычнейшее явление. Павел шутил: «Антон возмущает даже то, что дважды два четыре. Он не опровергает этой истины, он только ошеломлен ею». Павел был не просто талантлив, как Антон, Павел был гениален. И он серьезно говорил об Антоне: «Не хотел бы попадаться этому человеку под горячую руку. Но если мне захочется услышать что-нибудь совершенно новое о чем-то совершенно тривиальном, я обращусь к Чиршке».

– Парни, вы слышали, к нам летит какой-то Рой Васильев, – объявил Антон, присаживаясь к нашему столу и бесцеремонно отодвигая подальше от Чарли стакан с апельсиновым соком.

– Тебя это, естественно, выводит из равновесия? – Чарли снова пододвинул стакан к себе.

– А как может быть иначе?

– Что же тебя поражает в прилете Роя?

– Во-первых, сам прилет. А во-вторых, кто таков Рой? Какого шута мне в нем и ему в нас?

– Шута нет ни в тебе, ни в нем, а неприятности будут нам всем. Между прочим, мы их заслуживаем.

И Чарли с обычной своей пронизательностью обрисовал ситуацию. Рой Васильев – физик, даже, скорей, астрофизик, во всяком случае, неплохой знаток космоса. Кроме того, он детектив. Ну, не простой сыщик, хватающий за шиворот преступника, этого за Роем не слышно. Но вряд ли на Земле имеется другой такой же специалист по расследованию непонятных несчастий. Его стиль – искать в различных бедах не злоумышления, а неизученные явления природы. Неизученных явлений в природе, особенно в космосе, – бездна. Очевидно, на Урании Рой займется любимым делом: будет выискивать что-то неизвестное в недавнем взрыве сгущенной воды и гибели Павла Ковальского.

– По-твоему, ничего неизвестного не было? – Антон нервно жевал какое-то блюдо, голос звучал глуше и невнятней обычного. Ясностью речи Антон не отличается. Разве когда говорит спокойно и уравновешенно. Спокойным и уравновешенным я видел Антона очень редко.

– Суть не в неизвестном, а в том, чтобы хорошо объяснить известное, – спокойно отпарировал Чарли.

– Ты педант! – закричал Антон, отрываясь от еды. – В жизни не встречал большего педанта!

– Ты, наверно, хотел сказать: более точного человека? Тогда это я. Я правильно понимаю словечко «педант»?

Антон мигом вышел из себя. Он хлопнул кулаком по столу, Чарли поспешно схватил полный стакан сока и отпил немного.

– Ты консерватор, Чарли! Я всегда это говорил. Чего ты ухмыляешься? В древности такие издевательские усмешки приравнивались к уголовному преступлению. Иногда жалею, что наша эпоха пренебрегла многими хорошими обычаями старины.

Улыбка Чарли говорила не об издевке, а о том, что он собирается придать дискуссии неожиданный поворот. Чарли великий мастер на парадоксы. Я провел пять лет под его начальством и сотни раз терялся до немоты, когда Чарли принимался выворачивать привычные понятия. Если Антон ко всему придирается, то Чарли частенько усмехается и нередко делает это с таким серьезным выражением лица, что охватывает дрожь, а не смех. В те древние времена, о каких вспомнил Антон, Чарли провозгласили бы великим софистом, мастером невероятного толкования слов. Я не сомневался, что он готовится нанести Антону именно такой удар, каким

неоднократно сражал и меня, и противников посильней, – обернуть против Антона собственные его аргументы.

– Как понимать странный термин «консерватор»? – сказал он так мягко, что легко обманул Антона. Меня, естественно, он обмануть не мог. Я с интересом ждал продолжения.

– Как все люди понимают!

– Как понимать фразу «понимают, как все люди»? Антон потерял терпение. Его глаза засверкали. Он даже приподнялся на стуле. С людьми Антон не дерется, но стулом хватить об пол способен, случаи такие бывали.

– Возьми словарь международного языка. Можешь перелистать и словари всех пяти тысяч мертвых языков.

– Я хотел бы услышать разъяснение от тебя, а не из словарей.

Повелитель Демонов все же сдержался. Иногда ему удавалось не взрываться в спорах.

– Слушай же. Консерватор – человек, который остается всегда одним и тем же, как бы все ни менялось вокруг; человек, который, однажды установив для себя систему взглядов, манеру обращения... В общем, придерживается одного типа поведения. Тебя устраивает толкование?

Настал час торжества Чарли. В спорах подобного рода Антон перед Чарли – мальчишка перед мастером. Антон к тому же задал нашему академику достаточно простую задачку.

– Вполне устраивает. Ты прав, я – консерватор. И горжусь этим!

– Ты хотел сказать – стыжусь?

– Я сказал то, что хотел сказать. Да, я не меняюсь. У меня ко всему один подход. Я стараюсь понять все новое, постигнуть все неизученное, овладеть всем трудно дающимся. Для меня мир – пустыня, где каждый шаг вперед сулит открытия. Я всегда в поиске и не позволю себе почить на однажды достигнутом. И не стану выдавать чужой успех за собственный. Но я не всеяден, не равнодушен, не безучастен. Я пристрастен и односторонен, тут тоже не собираюсь меняться: всегда поддерживаю доброе против злого, честное против подлого, справедливость против хищности, несправедно обиженного против обидчика. О, нет, я не из тех, кто добру и злу внимает равнодушно – кажется, так в древности говорили об иных мудрецах. Я человек, никогда не изменяющий человечности. Ибо мое постоянство в том, что я всегда, везде, при всех обстоятельствах за истину против заблуждения, за талант против бездарности, за вечный поиск против бесплодной самоудовлетворенности. Тебе не приходило в голову, что именно этой моей неизменностью и объясняется, что я горячо поддерживал тебя против твоих противников и что само приглашение тебя на Уранию вызвано моими долгими хлопотами в Академии наук? Не я назвал тебя Повелителем Демонов Максвелла, но если ты сегодня с достоинством носишь это прозвище, то поблагодари и меня, ибо я способствовал его появлению.

Чарли мог бы и не говорить последней фразы. Антон был сражен. Всех его душевных сил хватило только на то, чтобы промямлить:

– Ты выворачиваешь мои слова наизнанку, Чарли!

– Тогда говори словами, которые не выворачиваются наизнанку, – холодно посоветовал Чарльз Гриценко, руководитель Института Экспериментального Атомного Времени, мой начальник, мой лучший друг, по специальности блестящий физик, по душевным влечениям – великий софист. И для него так естественно было одерживать верх в любом споре, что он и не порадовался, только подмигнул мне.

Антон перехватил его взгляд.

– Послушайте, – сказал он с удивлением, – мы с Чарли битый час надрываем глотки, а Эдик не выговорил и словечка. Что кроется за такой отстраненностью?

У этого человека, Антона Чиршке, Повелителя Демонов Максвелла, было редкое чутье на необычность самых, казалось бы, ординарных поступков! С этим надо было считаться.

2

«С этим надо считаться», – мысленно остерег я себя.

Из столовой мы вышли втроем. Повелитель Демонов шагал, широко размахивая длинными ногами. «Ходит ножницами», – острили о нем, а одна из его лаборанток как-то обру-гала своего руководителя: «Журавль!» Очень точная, по-моему, характеристика. Когда до Антона дошли и эти две клички, он деловито поинтересовался: «Ножницы я знаю, а что такое журавль?»

– Чарли, сообщай новости, – сказал на прощание Антон. – И я тебе буду звонить. Эдика не тревожим, от этого молчуна ничего интересного не узнать.

Заводик Антона приткнулся к Биостанции, Повелитель Демонов свернул к ней. Мы с Чарли молча прошли мимо ее корпусов. Мардека светила тускло, вот уже месяц – после взрыва сгущенной воды – даже полдень на Урании вряд ли ясней земного зимнего вечера. Правда, потоп закончился, из двух миллионов тонн в пламени и пару вознесенной воды больше полутора миллионов по внезапно сотворенным рекам и ручьям излились в котлован будущего Института Мирового Вакуума. Образовалось глубокое озеро длиной с километр и шириной метров в двести. На берегах этого озера не будут расти деревья и травы, его не населят рыбы, даже птицы, занесенные на Уранию, стараются летать в стороне. Оно мертво и останется мертвым. Энергетики утверждают, что вода, восстановленная из сгущенной, по структуре аномальна: не образует нужных разновидностей льда, плохой растворитель, не утоляет жажды и вообще, чтобы она снова стала обыкновенной водой, нужна почти такая же технологическая обработка, какая потребовалась, чтобы сгустить первичную воду в сто тысяч раз. Литр сгущенной воды, это известно из школьного учебника, весит сто тонн. Между прочим, вода, месяц назад огненным вулканом взметнувшаяся над Уранией, по заводскому сертификату, я сам его видел, была сгущена даже в сто тридцать тысяч раз.

Чарли остановился на краю котлована. Внизу, в бледном свете полускрываемой облаками Мардеки, расплавленным металлом поблескивала водная гладь. Я залюбовался мертвым озером. Оно все же было красиво.

– Помнишь? – спросил Чарли.

Я помнил. До самой смерти эту картину еще никем не виданного чудовищного взрыва в моей памяти сохраняю. Мы с Чарли одновременно выскочили из наших лабораторий, мы бежали бок о бок к Энергостанции. И впереди взмывало нечто, напоминающее вулкан. Не пар, не исполинских размеров гейзер, как, вероятно, сочли на Земле, когда пришло известие о несчастье. Это было пламя, странное пламя: сине-фиолетовое, бурное, пышущее диким жаром. Вода, ставшая вдруг огнем, – таким мы увидели взрыв. И водяные тучи, быстро затянувшие всю планету, были поначалу не тучами, а дымом. Повелитель Демонов клялся потом, что ощущал ноздрями гарь, даже видел в воздухе хлопья копоты. Так это или нет, проверить трудно, хлынувший после взрыва ливень вычистил все окрестности Энергостанции. Мы с Чарли умчались от ливня, он едва не смыл нас в провал котлована. А в это время Павел Ковальский, мой помощник, катался по полу лаборатории, отчаянно борясь с удушьем. Я возвратился слишком поздно, чтобы спасти его, он умер у меня на руках. Никогда себе этого не прощу!

– Ты должен предупредить Жанну о приезде Роя Васильева, – сказал Чарли. – Я мог бы и сам поговорить с ней, но тебе сделать это лучше.

– Развернуть перед Жанной программу ответов на возможные вопросы следователя? – хмуро уточнил я.

– Чепуха, Эдик! Жанна не всегда способна отделить важное от пустяков. Она слишком пристрастна. Это может ввести в заблуждение Роя. Он ведь не очень разбирается в жизни на Урании. Будем помогать ему, а не запутывать пустяками.

– По-твоему, взаимоотношения Павла и Жанны – пустяки?

– Прямого касательства к взрыву и гибели Павла вряд ли имеют. Или ты думаешь иначе?

– Я ничего не думаю, Чарли. В моей голове нет ни одной дельной мысли.

– Тогда поразмысли о моей гипотезе взрыва. Положи ее в основу своих рассуждений и независимо от меня рассмотри возможные следствия. Без этого тайны не раскрыть.

Я промолчал. Чарли не догадывался, что с первой минуты несчастья я пришел именно к тому, что он называл своей гипотезой взрыва, и что для меня это вовсе уже не гипотеза, а неопровергаемая истина. И что из нее следуют выводы, о которых он и помыслить не способен и которые терзают мою душу неутрачивающим отчаянием. Он говорил о тайне. Тайны не было. Была действительность, до дрожи ясная, до иступления безысходная. Ровно месяц я бьюсь головой о стену, чтобы предотвратить новое несчастье. Я мог рассказать ему об этом. Он мог все понять. Но помочь он не мог. Вероятней другое – он помешал бы мне искать выход. Он имел на это право и воспользовался бы своим правом. Я вынужден был молчать.

– И еще одно, друг мой Эдик, – сказал Чарли, когда мы подошли к моей лаборатории. – Повелитель Демонов вчера работал с Жанной, она принесла изготовленные ею пластинки для сепараторов молекул. Он позвонил мне вечером очень обрадованный. Пластинки отличного качества, но обрадовали не они, а сама Жанна. Она оправилась от потрясения, выглядела сносно, говорила если и не весело, то и без скорби. В общем, опасения, что она не переживет гибели Павла, можно считать неосновательными. Значит, не надо бояться, что любое упоминание о Павле вызовет новый взрыв отчаяния. Молодой организм берет свое не только на Земле, но и на Урании, не так ли? Учти это, когда будешь касаться весьма болезненных для нее вещей. Почему ты молчишь?

– Учту все, – пообещал я.

Говорят, последняя капля переполняет чашу терпения. Я чувствовал себя чашей, в которую слишком много налили. Я готов был пролиться – какой-нибудь безобразной вспышкой гнева, каким-нибудь нелепым поступком. Входя в лабораторию, я впервые понял, почему Антон в ярости бьет кулаком по приборам. Но мои приборы работали исправно, кулачная расправа с безукоризненными механизмами не дала бы выхода раздражению. «Возьми себя в руки», – приказал я себе. Эту странную формулу успокоения – «взять себя в руки» – внушил мне Павел. Сам он знал только одно душевное состояние – вдохновение, был то иступленно, то просто восторженно озаренным. В иных состояниях я его не видел. А мне со смехом советовал: «Остановись, Эдуард, ты уже готов выпрыгнуть из себя!» И я «брал себя в руки», то есть присаживался на стол или подоконник, минуту молчал, две минуты что-нибудь песенное бормотал – и неистовство утихало, гнев умирался.

– Возьми себя в руки, Эдуард, – вслух сказал я себе, сел в кресло и закрыл глаза.

Меня стало клонить ко сну. Я не спал уже пять суток.

– Ты меня звал, Эдик? – услышал я голос Жанны и открыл глаза.

Жанна хмуро глядела со стереозэкрана.

– Приходи, – сказал я. – Или я к тебе приду. Нужно поговорить.

– Жди. – Экран погас.

Теперь надо было быстро подготовиться к ее приходу. Я задал аппаратам код ее психополя, проверил точность настройки. Жанна вошла, когда я подгонял программу командного устройства.

– Брось! – приказала Жанна. – Мне надоела роль подопытного кролика. Садись, Эдуард.

– Все мы теперь подопытные кролики, Жанна, – возразил я, но отошел от механизмов.

Она внимательно осматривала меня. То же делал и я – выискивал в ее лице, фигуре, движениях, в звуках ее голоса что-либо неизвестное. Жанна сидела в кресле похудевшая, побледневшая, усталая, нового в этом не было, она и раньше бывала такой – не все эксперименты проходили удачно, результат каждого отчетливо выпечатывался на ней. Но в каком бы она

ни была физическом и духовном состоянии, всегда оставалась красивой. Красивой она была и сейчас, измученная, почти больная. Я привык доверять прозорливости Антона. То, что он сказал об улучшившемся состоянии Жанны, тревожило. Ни он, ни Чарли не догадывались, какую информацию несла мне невинная, казалось бы, фраза: «К Жанне возвратилось хорошее настроение». Она тоже не могла этого знать.

– Ты раньше боялся на меня смотреть, – грустно сказала она. – Взглянешь и потупишь глаза. И при каждом взгляде краснел. А сейчас...

– Раньше я был влюблен в тебя.

– Сейчас уже не влюблен?

– Сейчас меня терзают чувства гораздо сильнее любви. Можешь не страшиться других признаний. Гибель Павла ничего не изменила в наших с тобой отношениях, так я считаю.

– Я тоже. Ну, давай ближе к делу. Для начала устанавливаю: внешне ты не изменился. Что скажешь обо мне?

– Ты выглядишь нездоровой. После всех терзаний такой вид естественен. Больше ничего сказать не могу.

– На этом закончится наша беседа?

– Она еще не начиналась. К нам вылетела с Земли следственная комиссия. Правда, в составе одного человека, зато такого, что стоит десяти.

Я рассказал Жанне о Рое Васильеве. Она поморщилась.

– Опросы, расспросы, допросы... Он очень въедливый человек, этот Рой.

– Ты его знаешь?

– В отличие от вас с Павлом, занятых только своими работами, я интересуюсь и знаменитыми современниками. Рой и его брат Генрих очень известны на Земле.

– Известность Роя и его брата на Земле имеет значение для нас?

– Непосредственное, Эдуард. Рой доискивается истины в ситуациях, где другие пасуют. Приготовься к откровенности с ним.

– Именно это и советует нам Чарли. Быть с Роем предельно откровенными, помочь ему установить истину. Под истиной Чарли понимает свою теорию взрыва: поворот времени на обратный ход.

– Ты придерживаешься иного мнения?

– Чарли абсолютно прав. Но его теории недостаточно, чтобы объяснить все... И в это нельзя посвящать Роя. Во всяком случае, пока.

– Не понимаю, – хмуро сказала Жанна. – Хитрости в тебе еще не наблюдала. Лукавство и ты – категории несовместимые. Ты краснеешь при каждом неточном, не говорю уж лживом, слове. И собираешься обманывать изодрванного в распутывании немыслимых хитросплетений Роя Васильева?

– Должен это сделать.

– Объясни, почему?

– Жанна, это же просто. Чарли считает, что совершил великое открытие, указав на обратный ход времени. Гипотеза его парадоксальна, но убедительна. Она вполне может устроить самую придирчивую комиссию. Чарли хочет, чтобы Рой Васильев пришел именно к такому выводу.

– И это будет правильный вывод.

– Да, если это будет только выводом.

– Опять не понимаю тебя.

– Жанна, вдумайся в мою аргументацию. Ты сама считаешь этого Роя проницательным исследователем. Вообрази себе и такую возможность. Рой приходит к гипотезе Чарльза Гриценко не в конце долгого пути розысков, а принимает ее сразу. Тогда она будет не выводом, а предпосылкой. На выводах останавливаются, от предпосылок отталкиваются. Рой неизбежно

двинется дальше. Он поставит перед собой вопрос: как стал возможен поворот времени на обратный ход?

– Тебя это страшит?

– Мы должны завершить исследования! Павел погиб, но расчеты его подтверждены. Они должны из набора формул стать реальным физическим процессом. Не прощу себе, если этого не сделаю! Чарльз пока не догадывается о наших экспериментах, но Рой может догадаться...

Я видел, что в ней происходит борьба. И знал заранее, какое продолжение сейчас последует. Павел незадолго до гибели предупреждал, что все наши секреты не для Жанны, она постепенно гибнет под их тяжестью. Он советовал даже кое от чего ее отстранить для нашего общего спокойствия.

– Эдуард, мне надоело скрываться, – сказала она то, чего я ждал. – Давай объявим, чем занимаемся, и попросим официального разрешения на эксперименты.

– И немедленно получим категорический отказ!

– Я устала, Эдуард...

– И готова примириться с тем, что великую загадку природы мы не раскроем?

– Боюсь, я не рождена раскрывать великие загадки природы. Павел убедил меня в другом. Но его гибель опровергает его доводы. Я уже думала об этом, Эдуард. Поверь, я креплюсь, но сколько можно крепиться?

Одно в том, что она говорила, было утешительно. Повелителю Демонов отказало его ясновидение. Она отнюдь не вернулась от горя к веселью. С моей души спала большая тяжесть. Теперь я был уверен, что мне удастся переубедить ее. Я ходил по лаборатории, она сидела и молча слушала мои объяснения и просьбы. И прежде она садилась в сторонку, а мы с Павлом шагали от стены к стене, говорили, кричали, ссорились, мирились, радостно хлопали друг друга по плечу, с ликованием утверждали, что совершили открытие, с сокрушением признавались в неудачах, обвиняли себя в бездарности, восхваляли свои таланты... Она переводила глаза с одного на другого, щеки ее от внутреннего напряжения охватывало пламенем – всегда красивая, она в такие минуты становилась прекрасной.

Так было и на этот раз – я говорил, она слушала. Наши эксперименты оборвались трагически, но их надо довершить, чтобы не повторилось новой трагедии. Их нельзя прервать, вызванные ими процессы продолжают сами собой, и сегодня невозможно установить, как далеко они зашли и чем окончатся. Отказ от продолжения породит свои опасности.

– Даже если нашим соседям и мало что грозит, то под угрозой мы с тобой, Жанна, и в первую очередь – ты! – говорил я. – Только завершение экспериментов способно гарантировать нам безопасность. Мы знали, начиная опыты, что нас подстерегают многие неожиданности, и готовы были с ними бороться, но всех предугадать не смогли. Жанна, Жанна, ты же ученый, физик, мастер эксперимента, как же ты не понимаешь, что мы вызвали к жизни злого джинна и не будет нам спокойствия, пока не возвратим его в бутылку или не скуем на него иные пути!

– Ты прав, эксперименты надо закончить, – сказала она, когда я высказался. – Постараюсь скрыть от Роя их суть. Если он ими заинтересуется, а это для меня пока не ясно.

– Он ими заинтересуется, Жанна!

Она ушла. Я подошел к окну, следил, как она перепрыгивала через маленькие лужи, оставшиеся от недавнего потопа, обходила большие. Она ни разу не оглянулась. У нее удивительная походка – упругая, стремительная. Жанна, подпрыгивая, как бы взлетает. Сколько раз я украдкой любовался тем, как она ходит между институтскими лабораториями! У меня было скверно на душе. Я убедил ее, но не назвал реальных опасностей. Я не смел говорить о них. Их надо было предотвратить, а не разглагольствовать на тему грядущих ужасов. Я подошел к регистратору. Прибор писал нормальную кривую психополя Жанны. Прогноз Антона Чиршке не подтверждался. Еще было достаточно времени, чтобы разработать противодействие новым опасностям, которые меня пугали. Теперь я ждал Роя Васильева.

3

Теперь я ждал Роя Васильева. Рой задерживался на Латоне. Вероятно, у него были и другие задания, кроме расследования взрыва на складе сгущенной воды. Два рейсовых плането-лета с Латоны прибыли с грузами для Биостанции. Для Энергостанции и Института Времени не поступало ничего. Энергетики нервничали. До установления причин взрыва воды их обязали ориентироваться на ядерные генераторы, хотя они гораздо менее эффективны.

– Придется и нам ужать эксперименты с атомным временем, иначе говоря, временно ограничиться безвременьем, – острил Чарли. – Это, естественно, плохо, но ведь именно мы основной потребитель энергии на Урании. Зато другое хорошо – на Земле отдают себе отчет в серьезности аварии. Предвижу полезное дополнительное внимание к работам Института Времени.

Особое внимание к нашим исследованиям было как раз тем, чего я хотел бы избежать. Но после катастрофы об этом не приходилось и мечтать. Я улыбался и отмалчивался.

Однажды утром меня вызвал Чарли.

– Эдик, подними свои бранные кости и выметаю их наружу, – почти весело сказал он. – Мы идем встречать гостей с Земли. Нет, – поспешно добавил он, – вижу по твоим губам, что собираешься послать меня к черту. К черту я не пойду. Жду тебя у входа через пять минут.

Среди особенностей Чарльза Гриценко – точность. Он гордится, что все у него «минута в минуту», и говорит о себе: «Я повелитель времени, ибо рабски ему покоряюсь. Я команду им в соответствии с его законами». Между прочим, его успехи в экспериментировании с атомным временем обусловлены именно уважением к законам времени, о чем я постоянно напоминал Павлу в разгар иных его увлечений: ставил Чарли Павлу в пример.

Я вышел из лаборатории на исходе последней из дарованных мне пяти минут, и мы зашагали с Чарли в космопорт.

Вероятно, это был первый ясный день после катастрофы. Теоретически могу представить себе, что и до того попадались кратковременные прояснения, но они прошли незамеченными. А сегодня на планету вернулся полный дневной свет. Мардека светила ярко, было тепло, воздух, еще недавно мутный, как дым, стал до того прозрачным, что от нашего института виднелись башни космопорта, а это все-таки около двадцати километров.

– Авиетки я не вызывал, сядем в рейсовый аэробус, – сказал Чарли.

До отправления аэробуса было минут десять, мы присели на скамью. Отсюда открывался простор всхолмленной зеленой, цветущей равнины. Если бы я не знал, что нахожусь невообразимо далеко от Земли, на недавно мертвой планетке, переоборудованной специально для опасных экспериментов, недопустимых в окрестностях Солнца, я чувствовал бы себя, как на Земле. Впрочем, это и было «как на Земле», строители Урании постарались создать на ней главные земные удобства. Нового в таком ощущении не было, каждый хорошо знал, как на Урании творились «земности»: мы восхищались нашей планетой как великим достижением астроинженеров и космостроителей.

– Понимаю, ты тревожишься, – сказал Чарли, мое молчание и сейчас действовало на него информативно. – И хорошо, что тревожишься. Тревога – рациональная реакция на любые опасности. Недаром один древний бизнесмен телеграфировал жене: «Тревожусь. Подробности письмом». Но не переходи меры. Тревога не должна превращаться в панику. Роя мы преодолеем. Эксперименты с временем он бессилен запретить.

– Смотря какие эксперименты, – пробормотал я.

– Любые! Мы работаем по плану, утвержденному Академией наук. И только Академия правомочна внести изменения в свои планы. Между прочим, решения Академии в какой-то доле зависят и от меня. Маловероятно, чтобы этот землянин, неплохой космофизик, но ника-

кой не хронист, взял на себя ответственность за направление наших исследований. Думаю, в проблемах атомного времени Рой Васильев разбирается не глубже, чем воробей в интегральном исчислении.

Чарли хотел меня успокоить, но еще больше встревожил. Я предпочел бы, чтобы Рой был полузнайкой, а не профаном в загадках атомного времени. Полузнайка, так я считал, будет углублять уже имеющиеся у него знания, то есть идти традиционной дорогой. Но профану все пути равноценны, он способен зашагать и по тем, что полузнайке покажутся невероятными, а среди невероятных, не исключено, попадется и наша с Павлом исследовательская тропка.

– Ты не согласен? – поинтересовался Чарли.

– Согласен, – сказал я и молчал до космопорта.

В космопорте собралась вся научная элита Урании. Каждый начальник каждой лаборатории, не говоря уже о руководителях заводов и институтов, считал своей почетной привилегией присутствовать на встрече знаменитого землянина. Впереди компактным отрядом сгустились энергетики, это я еще мог понять, – катастрофа на энергоскладе затрагивала прежде всего их. Но зачем позвали биологов, было непонятно. Я так и сказал Антону Чиршке, возбужденно вышагивающему в стороне от толпы. Он мигом перешел от возбуждения к гневу. Он закричал, словно в парадной встрече видел мою вину:

– А я? Я тут для чего, объясни?

– Вероятно, необходимо, чтобы ты предварительно пожал руку следователю в присутствии всех на космодроме, а уж потом отвечал с глазу на глаз на его строгие вопросы. Без предварительных парадных церемоний, я слышал, следствие не идет.

Антон сердито пнул ногой берерозку – хилое белоствольное деревцо с листьями березки и цветами, похожими на пионы. Берерозка закачалась, осыпая ярко-красные лепестки. Это немного успокоило Повелителя Демонов. Я подошел к Жанне, она разговаривала с Чарли. Бледная, очень печальная, очень красивая, она так невнимательно отвечала на его остроты, что я бы на его месте обиделся. Но тонкости ощущения не для Чарли, она не молчала, а что-то говорила, большего от нее и не требовалось. Чарли отозвали в группу энергетиков, Жанна сказала мне:

– Мне трудно, Эдуард, но я креплюсь. Не тревожься за меня. Что нового принесли вчерашние эксперименты?

Так она спрашивала каждое утро: вызывала по стереофону и задавала один и тот же вопрос. И я отвечал одним и тем же разъяснением: нового пока нет, идет накопление данных. Она грустно улыбнулась, выслушав стандартный ответ, и пожалела меня.

– Ты плохо выглядишь, Эдуард. Я не собираюсь отговаривать тебя от круглосуточных дежурств у трансформатора атомного времени, ты все равно не послушаешься. И не посылаю к медикам, ты к ним не пойдешь. Но все-таки иногда думай и о себе.

– Я часто думаю о себе, – заверил я бодро.

Так мы перебрасывались малозначащими для посторонних фразами, с болью ощущая сокровенное значение каждого слова. А потом на площадку спустился планетолет с Латоны и вышел Рой Васильев. Он прошагал через расступившуюся толпу, пожал с полсотни рук – мою тоже, – столько же раз повторил: «Здравствуйте!» Приветствие прозвучало почти приказом: «Смотрите, чтобы были у меня здоровыми!» Мне в ту минуту почудилось, что я так воспринял его приветствие из-за разговора с Жанной о здоровье, а реально оно означало обычность встречи. И понадобилось несколько встреч, чтобы я понял: у этого человека, астрофизика и космолога Роя Васильева, не существует обыденности выражений и притупленной привычности слов, он говорит их каждый раз почти в первоначальном смысле, и даже такое отполированное до беззначности словечко, как «спасибо», меньше всего надо воспринимать как простую признательность. Дикарское полуиспуганное-полумолящее «спаси бог!» куда точнее – горячее, от души, а не вежливая благодарность. В наших последующих встречах эта особенность

Роя сыграла немалую роль, но в тот первый день знакомства я и помыслить не мог, как вскоре понадобится вдумываться в многосмысленность, казалось бы, вполне однозначных слов.

Зато в аэробусе я составил себе твердое представление о внешности гостя с Земли – единственное, что сразу о нем узналось точно.

Рой Васильев сидел в переднем кресле, у коробки автоводителя, лицом к пассажирам. То один, то другой обращались к нему с вопросами, он отвечал неторопливо и обстоятельно, пожалуй излишне обстоятельно, не быстрыми репликами, обычными на Урании, а сложно выстроенными соображениями, в каждую фразу вкручивалось с пяток придаточных предложений, уводящих то вправо, то влево, то вперед, то назад от главного смысла. Я украдкой запечатлел на пленке один из вычурных ответов о цели его командировки на Уранию и ограничился этим: ничего важного он сегодня сказать не мог, важное начнется, когда он по-деловому ознакомится с Уранией. Я молча разглядывал посланца с Земли. Смотреть было на что.

Он был высок, этот Рой Васильев, почти на голову выше любого уранина. Правда, как-то получилось, что на Уранию приезжали в основном люди среднего роста и малыши, ни один из земных исполинов не запрашивал сюда командировок. На Земле Рой ростом никого бы не поразил, но здесь выделялся. Худой, широкоплечий, длинноногий и длиннорукий, он плохо уместился в низком кресле и то протягивал вперед ноги, то, поджимая их, высоко поднимал колени. Лицо его тоже было не из стандартных – большая голова, собранная из крупных деталей: широкий, мощный плитой лоб, нос из породы тех, какие называют «рулями», внушительный толстогубый рот и сравнительно маленькие на таком крупном лице голубые, холодные, пронизательные глаза. Рой методично обводил всех взглядом, ни на ком – до меня – не задерживался, в глазах светилось пристойное равнодушие. Так было, пока он не бросил взгляд на меня. То, что совершилось при этом, и сейчас мне кажется удивительным. Глаза его вдруг вспыхнули и округлились. Он словно бы чему-то поразился. Он не мог знать, кто я такой, никто при знакомстве не называл своей должности. И подозревать, что именно я имею какое-то особое отношение к трагедии, у него оснований не было. А он впился глазами в мое лицо, как бы открыв в нем что-то важное. Многие заметили, как странно он рассматривал меня, а сам я, уже в лаборатории, долго стоял у зеркала, стараясь понять, чем поразил его: лицо было как лицо, некрасивое, немного глуповатое, кривоносое, большеглазое, узкоскулое, со скошенным подбородком – в общем, по снисходительной оценке Чарли, из тех, что восхищения не вызывают, но и кирпичика не просят.

Мы подлетели к гостинице, и Рой объявил свою программу: сперва он детально ознакомится с Уранией, его давно интересует эта замечательная планета, столько о ней по Земле ходит историй. Потом побывает на Энергостанции, на Биостанции и в Институте Экспериментального Атомного Времени. Дальнейшее выяснится в дальнейшем.

Мы возвращались в свои лаборатории вчетвером – Жанна, Антон, Чарли и я. Повелитель Демонов кипел, Чарли иронизировал, Жанна изредка подавала реплики, я молчал, старательно молчал – так потом определил мое поведение Чарли.

– Нет, зачем нас заставили терять драгоценное время на пустые встречи и ничего не значащие разговоры? – негодовал Антон. – Ну, прилетел кто-то, ну, проехал в гостиницу, ну, что-то маловразумительное пробормотал, а я при чем? Какое мне дело до этого? Вызовут на объяснение, пойду объясняться. Каждый будет говорить в меру своего понимания. А пока одно прошу – не тревожьте попусту!

Раздосадованный, он даже остановился и топнул ногой. Чарли потянул его за руку.

– Не теряй свое драгоценное время еще и на остановки. Ты ошибаешься в главном. Каждый будет говорить в меру своего непонимания. Наука состоит из интеллектуальных приключений. Приключения науки классифицируются как загадочные, важные и пустячные. Считай, что сегодняшняя экскурсия относится к приключениям пустячным. Для тебя заполненное время – некое божество, которому все подчиняется. Но каждый бог имеет своего черта, а черти, осо-

бенно из любимцев бога, народ вздорный и непоследовательный. Я в студенческие годы читал это в древних курсах демонологии.

Антон опять остановился. Он любил замирать на месте, когда в голову приходили интересные мысли. Но сейчас он только закричал:

– Надоели твои парадоксы! Ты способен перевести свои туманные изречения на человеческий язык?

– Способен. Перевод будет примерно такой. Рой Васильев ровно на порядок умней тебя, хотя по габаритам – всего лишь средней руки медведь. Ты требуешь примитива, тебе немедленно подавай отполированные формулировки. А Рой разговаривает полуфабрикатами, он лишь намечает силуэты мыслей и не вырисовывает каждый завиток. Он и допрашивать будет так – на подтекстах, многозначительно, а не однозначно.

– Допросы на подтекстах? – Жанна невесело засмеялась. – Очередная острота, Чарли?

– Очередное точное постижение действительности. Ожидаю неожиданности.

И делаю из этого важные для нас всех выводы.

– Выводы? – Антон сделал вид, что безмерно удивлен. – Что-то новое. До сих пор ты не выбирался из сферы доводов, предоставляя другим делать выводы. Твоя стихия – о каждой простенькой вещи высказывать ровно десять противоположных мнений, громоздить загадку на загадку, а что верно, ты не успеваешь установить.

– На этот раз я отступаю от своего обыкновения. Я прослушал вступительный словесный взнос Роя Васильева в общую сумятицу суждений о взрыве и наметил дорогу, по которой нам всем шагать.

– Объясни в двух словах.

– Двух слов не хватит. Дай сто.

– Даю сто, но ни одного слова больше.

В сто слов Чарли уложился. Он гнул все ту же свою линию. Ему не понравилась туманность первых высказываний Роя. Он, Чарльз Гриценко, и раньше предупреждал, что будет несладко, теперь в этом нет сомнений. Рой заранее готов обвинить хронистов больше, чем энергетиков или биологов. Когда он познакомится с гипотезой Чарли, мнение, что виноваты работники Института Времени, превратится в убеждение. Он замаяхнется на исследования по трансформации атомного времени. Так вот – не поддаваться! Если в чем-то второстепенном и уступить, то ничем важным не поступаться.

– Ты уже говорил мне об этом, – напомнил я.

– Тебе – да, Жанне и Антону – нет. В общем, сплотимся. Нас будут допрашивать поодиночке. Предлагаю после каждой встречи с Роем информировать остальных о каждом его слове, о том, как он слушал, как глядел, с какими интонациями говорил...

– Вопросы, опросы, расспросы, допросы!.. – повторила Жанна то, что уже говорила мне. – Как это противно! Ну, скажи, пожалуйста, какое значение могут иметь интонации голоса Роя!

– Первостепенное, Жанна. Эдик, я видел, ты что-то записывал в аэробусе, включи-ка!

Я вынул карманный магнитофон. Антон опять остановился. Мы, сгрудившись, выслушали длинную фразу, записанную, правда, не с самого начала: «... а потому необходимо, учитывая заинтересованность Земли в благополучии Урании и ответственность каждого, поскольку мои особые задания не выходят за эту границу, а сам я чрезвычайно в этом заинтересован и могу вас заверить: только в этом направлении и буду действовать, и, стало быть, картина задачи выясняется как картина дальнейшей безопасности, хотя неизбежны всяческие отклонения, то именно это и подчеркнуть, а после разработать окончательные условия, отдавая себе отчет, что и Земля, и Урания тут одинаково согласны».

– Абракадабра какая-то! – рассердился Антон.

– По-моему, все понятно, только длинно и витиевато, – возразил Чарли.

– Надо воспринимать высказывания Роя, как некогда спартанские вожди воспринимали двухчасовую речь афинских послов, явившихся в Спарту с просьбой о мире.

– Никогда об этом не слышал.

– Тогда послушай. Афины жаждали мира, Спарта хотела продолжать удачную для нее войну. И спартанцы ответили афинским послам, что ничего не могут ответить на их речь, потому что не поняли ее конца, а не поняли конца, потому что забыли начало.

– Остряки. Но какое это имеет отношение к Рою?

– Умницы, а не остряки. Они сделали вид, что не понимают речи афинян именно потому, что отлично ее понимали. Рой Васильев совместил в себе афинянина со спартанцем: говорил длинно и всесторонне, как афинянин, каждый завиток предложения имеет точный смысл, а в целом все звучит для моего уха спартански – «идите, друзья, пока что подальше, а придет время, получите разъяснения поточней».

– Мне пора к себе, – сказала Жанна и ушла от нас.

Мы заговорили о ней. Антон снова сказал, что Жанна оправляется от потрясения. Разве она не засмеялась, когда Чарли заговорил о допросах на подтекстах? Если после гибели Павла было опасение за ее здоровье, то теперь такой угрозы нет. Интенсивное лечение дало результаты.

– Смеялась-то она смеялась, но уж очень нерадостно, – заметил Чарли. – И в надежном излечении я не уверен. Ее лечили от второстепенных хворей – нервного потрясения, истощения, головокружений. А надо было лечить от основного заболевания. Основное заболевание – то, что она живет после гибели Павла. Лекарства от болезни, даже от преждевременной смерти, есть. Лекарства от жизни нет.

– Лишить ее жизни для излечения? – съехидничал Повелитель Демонов.

– Кто из нас любитель парадоксов, дорогой Антон? Не лишать жизни, а изменить жизнь – вот что излечит ее. Скажем, возвращение на Землю, полное прекращение всех исследований, в том числе и тех, что она делает для тебя.

– Исключено! Или хотите, чтобы в ваши теплые лаборатории вторгся космический холод? Не забывайте, что теплоснабжение Урании обеспечивают мои сепараторы молекул. – Антон подумал и добавил: – Все же я вижу в Жанне хорошие перемены. Возможно, душевное ее состояние остается скверным, но физически она оправилась, даже похорошела.

На развилке шоссе, где наши дороги расходились, Чарли снова напомнил:

– Итак, друзья, держимся твердо: уступать, но не поступаться!

4

«Уступать, но не поступаться» – так он объявил, уходя к себе. В сущности, то было пустое наставление, в нем не содержалось конкретности. Но для меня в такой краткой формуле таилось все, чего я мог пожелать. Чарли, при всем его остроумии, и не догадывался, сколь много значили его слова. «Уступать, но не поступаться», – твердил я, шагая по лаборатории, заставленной механизмами и приборами. Самописцы писали все те же кривые, процесс шел своим ходом – от пункта к пункту, от этапа к этапу. Всеми фибрами души, всей силой мысли я стремился убыстрить его, но он двигался по своим законам, не по моему хотению. Мы с Павлом, как некие могущественные волшебники, вызвали к жизни еще никому не ведомые потенции природы, но не подчинили их себе: гибель Павла, взрыв двух миллионов тонн сгущенной воды стали свидетельством нашего бессилия. «Первым грозным свидетельством, на нем не завершится», – предугадывал я. Дознается ли Рой Васильев до тайны трагедии на Урании, если сам руководитель Института Экспериментального Атомного Времени, сам блистательный академик Чарльз Гриценко далек от ее понимания? Скоро ли дознается? Сколько времени нужно мне с Жанной, чтобы овладеть коварным, бесконечно опасным джинном, так безрассудно нами

вызволненным из атомного заточения? Даст ли нам землянин Рой это время? Что он потребует от нас? Что разрешит? Что запретит? У меня голова распухала от трудных мыслей. «Уступать, но не поступаться», – твердил я себе как заклинание. И понятия не имел, что именно уступать, чем именно не поступаться.

День шел за днем. Рой не торопился. Цистерна со сгущенной водой оставалась на Латоне. Энергетики жаловались, что ресурсы ядерных аккумуляторов на пределе. Биологи ворчали, что им установили слишком жесткий энергетический лимит. О нашем институте и говорить не приходилось, любой эксперимент со временем требовал бездны энергии – девять десятых мощностей Энергосистемы работали на нас. Между прочим, хронисты вели себя сдержанней энергетиков и биологов. Гипотеза Чарли, что причина аварии в неполадках с атомным временем, пугала всех. Никто не требовал немедленной доставки с Латоны заветной цистерны, ибо каждый опасался вопроса: а как вы предотвратите новую аварию, если причина ее в ваших работах, но что за причины, вы сами толком не знаете?

Рой, повторяю, не торопился. До него, казалось, не доходили сетования энергетиков и биологов. Он безмятежно гулял по Урании. Его видели на берегах неширокой Уры, он карабкался по сопкам и спускался в долины, осматривал дома и заводские здания, облетал на авиетке южные леса и саванны. Он держал себя как турист, а не как следователь. И когда заговаривал с кем-либо, то лишь для того, чтобы высказать свое восхищение пейзажем планеты, выбранной людьми для самых опасных экспериментов, какие стали доступны науке. Он разглагольствовал о благоустроенности, о том, что всего за два человеческих поколения каменистый дикий шарик в космосе превратили в цветущий сад. «Кажется, этот Васильев считает Уранию космическим домом отдыха», – говорили те, кого он удостаивал своими пейзажными беседами, а иных он пока не вел.

И к выполнению своего задания Рой приступил иначе, чем ожидали. Он заинтересовался работой биологов. Посетил все биологические лаборатории, вызывал биологов к себе для собеседований и расспрашивал о том, что не имело отношения к взрыву. Его занимало, как ведут себя искусственно синтезированные звери, рыбы, птицы, растения, какая от них польза, будут ли биологические искусственники вывезены на Землю и другие планеты для расселения там или жизнь их ограничится лишь индивидуальным, а не видовым существованием. Даже сами биологи, а они безмерно гордятся своими удивительными созданиями: наши, мол, успехи – вершина человеческой науки (такова их скромная самооценка), – даже они удивлялись вопросам Роя.

Затем пришла очередь энергетиков. Этих-то несчастье на энергоскладе касалось непосредственно. Теперь в разговорах посланца Земли слышались словечки: «взрыв», «катастрофа», «трагедия», «меры предосторожности». Чарли не сомневался, что ни один энергетик не способен дать толковое объяснение события, для них сгущенная вода была то же, что для древних энергетиков уголь или нефть, – они использовали готовый продукт, не задумываясь о его происхождении.

– Пока Рой не поставит себе вопроса, как получается сгущенная вода, он и не приблизится к раскрытию загадки, – утверждал Чарли. – Технологию сгущения воды надо было изучать на Земле. По всему, он этого не сделал.

Последним из энергетиков Рой пригласил к себе Антона Чиршке.

Повелитель Демонов так заторопился предстать перед следователем, что забыл известить нас о вызове. Чарли узнал о его уходе к Рою и предложил мне и Жанне срочно прибыть в лабораторию Антона. Не скажу, что я охотно оторвался от процесса, кое-что еще надо было сделать, и все же поспел до возвращения Антона. Чарли развлекал Жанну, но это ему удавалось плохо.

– Ужасно хочу спать, – пожаловалась Жанна. – Если засну, не будите до появления Антона.

– Все нормально, – объявил Чарли. – Сон – это здоровая реакция на нездоровую действительность. Любое выздоровление начинается с позыва ко сну.

Я хотел было напомнить Чарли, что недавно он доказывал невозможность излечения, если не ликвидируют основное заболевание, – а основное заболевание Жанны, по его словам, тот факт, что она живет, – но вовремя сообразил, что парадоксы такого рода не для слуха Жанны. Тут ворвался Антон Чиршке и с порога закричал:

– Вы у меня? Я каждого вызывал, никто не откликается! Понять не мог, куда вы все подевались. Черт возьми, что произошло! Нет, этот Рой – штука, можете мне поверить!

– Садись! – приказал Чарли. – Не топай ногами и не размахивай руками. Постарайся говорить связно. Точно передать разговор ты, конечно, не сможешь, но хоть ни о чем не умалчивай и не мекай.

Не сомневаюсь, Чарли хотел, чтобы Антон обиделся. Обиженный за недоверие к своим способностям, Антон начинает следить за собой, и тогда с ним все проще. Чарли добился большего – Повелитель Демонов вознегодовал. Он обругал Чарли и взял себя в руки. Это дало ему возможность десять минут толково изъясняться.

– Знаете, с чего начал этот белобрысый землянин, этот медведь средней руки, как ты его определил, Чарли? Ни за что не поверите, друзья! Пожал полутонным усилием мою руку, как будто не пожимал, а выжимал ее. И объяснил, что больше всего его интересует, почему я ношу странную кличку Повелитель Демонов? Я, естественно, поправил: не Повелитель Демонов вообще, а Повелитель Демонов Максвелла. Он скептически осведомился, есть ли в названиях разница. Я заверил, что разница весьма существенная. Он попросил разъяснить эту существенную разницу. Я ответил, что ее должен видеть каждый здравомыслящий и культурный человек, в особенности физик по образованию. У Роя железная выдержка, он и глазом не моргнул, даже стал мягче голос.

«Если это вас не затруднит, – сказал он и так улыбнулся, словно я его одарил, а не высмеял, – то я бы хотел узнать подробней, что должен видеть в разнице демонов».

«Общеизвестные демоны, – сказал я тогда, – это нечто вроде злых или там не очень добрых духов, непрерывно общающихся с людьми, то есть чаще всего вредящих людям, – всякие черти с рогами и хвостами, домовые в лохмотьях, заросшие шерстью крысообразные бесы, безрогие и бесхвостые гномы и кобольды, эльфы и сильфиды в развевающихся одеждах, а также уродливые старухи ведьмы, лесные бродяги лешие, коварные речные русалки, прожорливые горные драконы, глуповатые джинны в бутылках и прочие в том же роде. Объединяет всех этих многообразных демонов то, что все они сверхъестественные существа, каждое со своим именем и норовом, и непохожим на других обликом, и что эти сверхъестественные существа реально – в смысле „физически“ – не существуют. Они – плод воображения».

«Понятно, – сказал он. – Общеизвестные нормальные демоны имеют свои особые фигуры и лица, носят особые имена, по-особому общаются с людьми, а реально их нет. Этими красочными плодами воображения вы не командуете. Сколько вспоминаю, такими демонами повелевали в древности некий царь Соломон и два-три арабских халифа. В общем, с ними просто. Ну, а демоны Максвелла? Они тоже имеют имена и телесный облик? И существуют физически?»

«Нет, – сказал я. – Демоны Максвелла – это научные понятия. Им не присвоили телесного образа, их не наделили именами. Великий физик прошлого Джеймс Кларк Максвелл предположил, что если бы существовал демон размером с молекулу, и если бы этот демон стоял у забора с отверстием, прикрытым дверкой, и если бы к отверстию подлетали молекулы, то он смог бы их сепарировать по скоростям: открывал дверцу перед быстрой молекулой, поспешно закрывал перед медленной. В результате быстрые пролетали бы по другую сторону забора – и там повышалась бы температура, а медленные оставались бы по эту сторону – и здесь температура падала бы. Мне удалось реально осуществить гениальную идею Максвелла».

«Поэтому вас и назвали Повелителем Демонов Максвелла?» «Совершенно верно».

«И эти демоны, эти абстрактные научные понятия, не имеющие ни имен, ни физического образа, у вас приняли вид...»

«Особого рода пористых перегородок, которые я изобрел еще на Земле и которые поставляет мне на Урании лаборатория Жанны Зориной. Быстрые молекулы пролетают сквозь них, не теряя скорости, медленные отталкиваются. Вроде бега с препятствиями: хороший бегун легко перепрыгивает через поставленный на пути забор, плохой задевает его ногами и падает...»

«Я слышал, все отопление на Урании производится вашими демонами, то есть сепараторами молекул?»

«И охлаждение тоже. Все холодильные установки работают от моих сепараторов».

«Как технически это осуществляется?»

«Проще простого. Специальные насосы вдувают в сепараторы воздух под давлением. Быстрые молекулы проскакивают через перегородку и отводятся по горячей трубе, медленные рушатся в трубу холодную. Вот и все».

Так я ему растолковал конструкцию моих сепараторов. Он кивал, улыбался – демонстрировал, что его восхищает простота объяснений. А потом задал стандартнейший вопрос всех невежд: не опровергают ли мои демоны, принявшие телесную форму пористых перегородок, второе начало термодинамики? Вот, мол, есть такое понятие «энтропия» – мера вырождения энергии, мера хаотичности движения молекул. Он затвердил еще в восьмом классе, что энтропия во всех физических процессах должна расти, увеличивая хаос и беспорядочность, – как у меня с этим священным понятием термодинамики? Ему почему-то кажется, что мои демоны ополчились на фундаментальные законы физики. Я не постеснялся сказать, что хороший физик не должен ограничиваться знаниями, приобретенными в восьмом классе. И популярно растолковал, что и в моих установках энтропия растет. И что если снова соединить горячий и холодный потоки, то воздух возвратится к прежней температуре – повышение ее в одной трубе компенсируется понижением в другой, а к этому еще добавляется потеря энергии на работу насосов, весьма немаловажная величина.

«В общем, можете не волноваться, Рой, – объяснил я, – энергия в моих установках не создается и не уничтожается, а лишь трансформируется».

Он любезно заверил, что уже не волнуется, и предложил перейти от сепарации молекул к взрыву сгущенной воды. Я согласился, что пора перестать попусту терять время. Он и этот выпад снес. У него дьявольская выдержка, вам нужно заранее с этим считаться. Он почти вежливо сказал:

«На Земле мне объясняли, что не существует физических процессов, которые могли бы вызвать нарушение структуры сгущенной воды. Вы согласны с этим?»

«Абсолютно, – ответил я. – Превращение сгущенной воды в обычную происходит только с открытой поверхности, и при этом выделяется огромное количество энергии, которая и утилизируется. Процесс подобен испарению, только несравненно более энергоемок и несет обратный знак – при испарении энергия поглощается, а не выделяется. И как нельзя заставить воду превращаться в пар во всей массе, если температура ниже точки кипения, так нельзя и сгущенную воду во всей массе заставить менять свою структуру. Вам правильно говорили на Земле, друг Рой: не существует условий, вызывающих превращение изнутри сверхплотной массы в обычную. Даже если вы бросите цистерну со сгущенной водой в звездные недра, то и там температура в миллионы градусов не вызовет мгновенного взрыва. Напомню, что баллоны со сгущенной водой испытывались в термоядерном пекле и теория подтвердилась».

«Однако взрыв на Урании произошел, – сказал он. – Вы не будете этого отрицать?»

«Не буду».

«И стало быть, теория опровергнута?»

«Стало быть, опровергнута».

«У вас есть объяснение?»

Я рассердился. Его вопросы раздражали примитивностью, почти невежеством. Если бы я знал, какой удар готовит мне Рой, я бы сдержался.

Но он глядел так наивно, так легко сносил мои выпады, что я зло напомнил: расследует катастрофу он, а не я. Если бы мне стали ведомы причины катастрофы, то ему не понадобилось бы прилетать на Уранию. Не вижу никаких объективных причин для несчастья, не могу обсуждать даже абстрактных возможностей. У него похолодели глаза. Он не взглянул, а ударил взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.